

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБРАЗОВАНИИ

Оригинальная статья / Original paper

doi:10.17853/1994-5639-2026-4363

Гендерно-возрастные особенности понимания террористических угроз студентами (на примере казахстанских вузов)

А.К. Жомартов¹, А.А. Булатбаева²

Казахский национальный университет имени аль-Фараби,
Алматы, Республика Казахстан.

E-mail: ¹aidos.korabai78@gmail.com; ²a.bulatbaeva@yandex.ru

Е.И. Казакова

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация.

E-mail: e.kazakova@spbu.ru

✉ aidos.korabai78@gmail.com

Аннотация. Введение. Актуальность настоящего исследования обусловлена общественным признанием вовлечения молодежи в террористическую деятельность в качестве наиболее опасной тенденции в развитии любого государства и общества. В центре внимания студенческая молодежь, которая рассматривается как категория населения, наиболее уязвимая перед идеологией терроризма в силу возрастных и социальных особенностей. Целью исследования явилось изучение особенностей понимания сущности террористической деятельности и ее последствий в среде студенческой молодежи (возрастная группа 16-24 года) *Методология, методы и методики.* Теоретический анализ проблемы был направлен на выявление структуры антитеррористического сознания молодежи. Исследовательские методы (анкетирование, наблюдение и экспертная оценка) были использованы для уточнения специфики позитивного и негативного восприятия терроризма, факторов риска вовлечения молодежи в террористическую деятельность. Проектирование образовательной программы, ее апробация и экспертиза позволили выявить основные подходы к организации воспитательной работы в вузе. *Результаты и научная новизна.* В ходе исследования выявлена специфика восприятия терроризма и террористической деятельности студенческой молодежью Казахстана; уточнены факторы риска вовлечения студенческой молодежи в террористические движения. Выявлена и обоснована значимость субъектной позиции студентов по отношению к процессам формирования антитеррористического сознания. *Практическая значимость.* Собранные данные и разработанные педагогические подходы по развитию у студенческой молодежи антитеррористического сознания могут быть использованы в практике воспитательной работы в современных вузах.

Ключевые слова: студенческая молодежь, терроризм, террористическая деятельность, антитеррористическое сознание, воспитание

Для цитирования: Жомартов А.К., Булатбаева А.А., Казакова Е.И. Гендерно-возрастные особенности понимания террористических угроз студентами (на примере казахстанских вузов). *Образование и наука*. 2026;28(2):142–165. doi:10.17853/1994-5639-2026-4363

Gender- and age-specific characteristics in the understanding of terrorist threats among university students: a study of Kazakhstani universities

A.K. Zhomartov¹, A.A. Bulatbayeva²

Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan.

E-mail: ¹aidos.korabai78@gmail.com; ²a.bulatbayeva@yandex.ru

E.I. Kazakova

St. Petersburg State University,

Saint Petersburg, Russian Federation.

E-mail: e.kazakova@spbu.ru

✉ aidos.korabai78@gmail.com

Abstract. *Introduction.* The relevance of this study is underpinned by the widespread recognition that the involvement of young people in terrorist activities represents one of the most dangerous trends affecting the development of any state and society. The focus is on university students, who are considered a demographic particularly vulnerable to terrorist ideology due to their age and social characteristics. *Aim.* The present study aimed to examine the specific ways in which university students (aged 16–24) perceive the nature of terrorist activity and its consequences. *Methodology and research methods.* The theoretical analysis aimed to delineate the structure of anti-terrorist consciousness among young people. Empirical research methods – including questionnaires, observation, and expert evaluation – were employed to elucidate the nuances of both positive and negative perceptions of terrorism, as well as the risk factors associated with youth involvement in terrorist activities. The design, pilot implementation, and expert review of an educational programme facilitated the identification of key approaches to organising educational initiatives within the university setting. *Results and scientific novelty.* The study identified the specific characteristics of how university students in Kazakhstan perceive terrorism and terrorist activities, thereby enhancing the understanding of the risk factors that may lead to students' involvement in terrorist movements. Furthermore, it revealed and substantiated the critical importance of fostering an active, subjective stance among students towards the processes involved in developing an anti-terrorist consciousness. *Practical significance.* The data collected and the pedagogical approaches developed to cultivate anti-terrorist awareness among university students can be directly applied to the educational practices of contemporary higher education institutions.

Keywords: student youth, terrorism, terrorist activity, anti-terrorist consciousness, education

For citation: Zhomartov A.K., Bulatbayeva A.A., Kazakova E.I. Gender- and age-specific characteristics in the understanding of terrorist threats among university students: a study of Kazakhstani universities. *Obrazovanie i nauka = The Education and Science Journal*. 2026;28(2):142–165. doi:10.17853/1994-5639-2026-4363

Введение

Культивирование терроризма среди молодежи, как отмечает Combs и др. [1; 2] в последние годы начинает обретать массовый характер в силу того, что молодые люди в большинстве своем не всегда способны найти адекватный путь для выражения своей идентичности, многими исследователями подчеркивается, что студенты университетов в большинстве своем критичны, креативны, выступают движущей силой изменений, однако психологические характеристики, связанные с идеализмом и максимализмом часто толкают их к противоправным деяниям.

В Казахстане государственная структура, по мнению К. Ж. Далматова [3], противодействия терроризму начала складываться с момента обретения независимости и создания Антитеррористического центра. Правовое обеспечение антитеррористической деятельности постоянно совершенствуется с учетом изменений, происходящих на международной арене, международных обязательств Республики Казахстан, а также социальных процессов в стране. Казахстан неукоснительно выполняет требования Резолюции СБ ООН¹ и ежегодно представляет Национальный доклад о проделанной работе в Контртеррористический Комитет ООН, а также присоединился ко всем тринадцати международным универсальным конвенциям о борьбе с терроризмом.

Терроризм² – это идеология насилия и практика воздействия на принятие решения государственными органами, органами местного самоуправления или международными организациями путем совершения либо угрозы совершения насильственных и (или) иных преступных действий, связанных с устрашением населения и направленных на причинение ущерба личности, обществу и государству.

Исследователи считают, что конструктивный диалог, свободный формат обсуждения спорных вопросов, междисциплинарная связь обществоведческих курсов, опора на художественные источники помогают высветить угрозы терроризма и необходимость развития иммунитета к манипуляциям и пропаганде. По мнению А. Ю. Быкова [4], современные вузы все чаще обращают внимание на проблему развития антитеррористического сознания у обучающихся и стараются реализовывать сбалансированный подход в свободе слова и ограничениях в обеспечении безопасности. Развитие медиаграмотности у студентов выступает как критически важный аспект противодействия терроризму. Способность к самостоятельной фильтрации информации, выявлению фейков и экстремистской пропаганды, умение видеть методы манипуляции, развитие критического мышления у молодежи – понимается сегодня не только как образовательная задача, но и как значимая цель для всех социальных институтов. По мнению Т. В. Фуряевой и С. В. Шик [5] активные дискуссии и

¹ Резолюция Совета Безопасности ООН 1566 (2004) от 8 октября 2004 г. Режим доступа: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n04/542/84/pdf/n0454284.pdf> (дата обращения: 18.12.2025).

² Закон Республики Казахстан от 13 июля 1999 года № 416 «О противодействии терроризму». Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z990000416> (дата обращения: 04.04.2025).

обсуждение последствий терроризма и экстремизма среди студенческой молодежи позволяет формировать у них обоснованную позицию и профилировать процессы вовлечения в экстремистские течения. Не менее важно видеть в молодежи не только целевую группу профилактики экстремизма, но и активных субъектов деятельности по формированию в студенческой среде антитеррористического сознания.

С учетом этого целью исследования можно обозначить как изучение особенностей понимания сущности террористической деятельности и ее последствий в среде студенческой молодежи (возрастная группа 16–24 года). В рамках поставленной цели, теоретический анализ проблемы был направлен на выявление структуры антитеррористического сознания молодежи. Исследовательские методы (анкетирование, наблюдение и экспертная оценка) были использованы для уточнения специфики позитивного и негативного восприятия терроризма, факторов риска вовлечения молодежи в террористическую деятельность. Проектирование образовательной программы, ее апробация и экспертиза позволили выявить основные подходы к организации воспитательной работы в вузе.

Ограничения проведенного исследования связаны с выборкой целевой аудитории, в качестве которой была определена студенческая молодежь с I по IV курс девяти казахстанских вузов (г. Костанай, г. Тараз, г. Алматы, г. Кызылорда и др.). Иными словами, в рамках исследования для достижения поставленной цели использовался метод опроса, результаты которого представлены в количественных показателях. Отметим, что для повышения объективности и всесторонности полученных выводов в рамках последующих исследований также имеется необходимость применения других методов с сопоставлением полученных результатов настоящего и последующего за ним исследования.

Обзор литературы

Чаще всего под терроризмом понимается использование насилия или угрозы насилия против гражданского населения с целью достижения политических, религиозных, идеологических или иных целей. С другой стороны, можно говорить о террористической деятельности или насильственном экстремизме, в основе которых мотивация дестабилизации общества и государства для достижения каких-либо целей противоправными методами. Посягательство на жизнь, нападение, уничтожение ценностей, иные формы насилия становятся инструментами, которые сеют панику, пробуждают страх среди населения.

Основными признаками терроризма выступают: нападение на мирных жителей или объекты инфраструктуры; использование взрывчатых веществ, огнестрельного оружия, захват заложников и другие насильственные методы; организация террористических актов небольшими группами или отдельными лицами; наличие или декларирование четких идеологических мотиваций и целей.

Исследователи обращают внимание и на следующую особенность терроризма: оно выступает как информационное поле, которое воздействуя на сознание людей, формирует нужные мнения и суждения, чаще всего - не оставляет для человека возможностей для критической оценки получаемой информации.

Обладая транснациональными чертами действие терроризма в разных странах может иметь и специфические черты, связанные с уровнем развитости государства и общества или географическим положением. Так, С. И. Дусметова, А. А. Налибай в качестве ведущих факторов, способствующих росту терроризма в республике Казахстан, отмечают рост исламизации среди населения и религиозное расслоение общества; непосредственную близость к неустойчивому к терроризму региону – Афганистану; появление национальных религиозных общин, активно действующих в социальных сетях и др. [6]

При анализе понимания субъектами угроз терроризма, большинство исследований обращено на поведенческую оценку угрозы [7; 8]. Так, результаты исследования А. Smith показывают, что неблагоприятные факторы, связанные с вовлечением людей в терроризм, не сильно отличаются от тех факторов, которые связаны с вовлечением в насилие. Однако есть существенная разница между инструментами и методами оценки риска вовлечения в насилие и вовлечения в экстремизм [9]. В частности, факторы риска и индикаторы, связанные с возникновением у человека проблем в профессиональной, образовательной и экономической сферах и проблем в сфере взаимоотношений, включены только в метод, разработанный для оценки риска общего насилия (HCR-20v3). А вот дополнительные факторы, такие как наличие пособников экстремистов, разделение ценностей экстремистской идеологии и/или острое политическое недовольство, а также наличие фактических навыков и ресурсов для совершения насилия - включаются перечень в инструментов и методов, разработанных для оценки риска совершения экстремистских преступлений или террористических действий. Очевидно, что в ходе диагностики склонностей к террористической деятельности эта закономерность должна учитываться.

Надо отметить, что студенческая молодежь и вопросы формирования ее идентичности, предпочтений и социальных настроения всегда являлась объектом пристального внимания казахстанских социологов [10]. Так, в исследованиях Г. С. Абдирайымовой, А. В. Веревкина, Т. Ю. Лифановой показано, что молодежь «западного» и «южного» регионов с чаще проявляет тенденцию «неспокойного» восприятия политической ситуации, тогда как респонденты «центрального» и «восточного» регионов чаще характеризуются позицией «нейтральности», более высокой степени политической толерантности и проявления способности к политическому дискурсу [11]. В процессе анализа самоидентификации студентов Ш. К. Жаркынбаевой выделено, что казахстанская молодежь обнаруживает высокий уровень социальной идентичности, определяя ее для себя как доминирующую. По мнению исследователя важное место в структуре социальной идентичности занимает общекультурная, учебно-профессиональная, национальная, религиозная, семейно-ролевая идентичность

[12]. В другом исследовании выделено, что академические успехи и финансовое состояние являются двумя основными аспектами, которые вызывают беспокойство у современных студентов [13].

Анализ путей и методов предупреждения распространения терроризма среди молодежи позволяет выделить становление антитеррористического сознания в качестве ведущего конструкта. С. В. Вентцель определяет антитеррористическое сознание, как «систему взглядов о неприемлемости террористических проявлений, о терроризме как общественно-опасном явлении, а также о позитивном характере мер, направленных на противодействие террористическим угрозам, на защиту общества и государства от терроризма» [14]. Исследователи отмечают, что антитеррористическое сознание – это осознанные представления о возможных негативных событиях внешнего мира, предполагающее развитость критического мышления, умения рефлексировать, анализировать и противостоять этим событиям, а также умение отстаивать свои взгляды, убеждения, иметь позитивное самоопределение (профессиональное, личностное). Следуя традиционной логике педагогического анализа, можно выделить следующие компоненты антитеррористического сознания: мотивационно-смысловой компонент, когнитивно-знаниевый и рефлексивно-деятельностный. Молодые люди должны обладать знаниями и навыками, чтобы понимать и отвергать насильственный экстремизм и терроризм [15]. Следовательно, образовательные инициативы должны быть направлены на формирование и развитие антитеррористического сознания, под которым мы подразумеваем целенаправленный процесс обучения и воспитания молодежи пониманию и осознанию угроз терроризма, а также готовности и способности реагировать на них.

Анализ социально-педагогических источников позволяет ответить на вопрос об организации профилактической работы с молодежью, выявить приоритеты этой деятельности. Сегодня страны Европейского Союза достаточно прагматичны в вопросах подавления терроризма. После волны терактов 2016–2017 годов во Франции, Бельгии, Германии и Испании совет ЕС продолжил работать и принимать меры по противодействию терроризму и радикализации. Согласно информации о совершенных терактах, возраст причастных лиц составлял от 21 до 25 лет в среднем, следствием стал усиление контроля в странах Европы за публичными выступлениями молодежи в сети Интернет, призывами к религиозному, расовому, политическому и иным формам экстремизма. Отмечено, что принудительная депортация за пропаганду радикализации стала массовой практикой в отношении молодежи [16]. Анализ положения дел в экстремизмом и терроризмом в Германии позволил зафиксировать вовлечение молодежи к терроризму преимущественно через социальные сети, поэтому в настоящее время проводится тщательный анализ социальных платформ; установлено, что сеть Twitter чаще всего используется для пропаганды терроризма и организации террористической деятельности в силу ее коммуникационной политики анонимных сообщений. Распространенной сетью для террористов является и канал YouTube, террористические организации часто используют

механизм комментариев, право на создание специализированных каналов, распространение ссылок, позволяющих просматривать закрытый контент [17]. Анализ русскоязычных источников позволяет выявить в качестве базовой следующие концептуальные позиции по противодействию идеологии терроризма: ценностно-смысловой подход, актуализация смысложизненных стратегий молодежи, необходимость формирования ответственности¹. Речь идет о необходимости снятия флера привлекательности и романтизма с идеологии терроризма, работы по разъяснению молодежи рисков и угроз идеологии терроризма, разработка контента (видео, учебного, игрового) направленного на опосредованное влияние ценностных приоритетов и установок, подготовка технологий их вовлечения и участия в общественно-значимые проекты в образовательной среде вузов. И конечно, необходимо тщательное мониторинговое изучение психологического настроения и представлений студентов по вопросам проявления факторов риска вовлечения молодежи в терроризм.

Нельзя не согласиться и с мнением N. Kar, который указывает, что процесс развития антитеррористического сознания студента является длительным непрерывным процессом, главными направлениями которого является изучение антитеррористических ценностей, формирование обязательных моральных привычек и потребностей, развитие необходимых моральных позиций, убеждений, чувств [18].

Исследователи проблем антитеррористического сознания у молодежи B. Schuurman и S. L. Carthy определили роль и значение воспитательной деятельности в процессе социализации студенческой молодежи. Они обращают внимание на необходимость развития навыков мышления относительно самостоятельных действий и принятия важных решений в условиях адаптации к взрослой жизни; получение опыта взаимодействия с современной средой, основами которой не могут быть террористические и экстремистские взгляды [19]. M. M. Sjøen указывает, что на принятие или неприятие террористических взглядов оказывает влияние психическая предрасположенность человека; повышенная тревожность, зависимость от чужого мнения, уязвимость, страх могут стать спусковыми крючками вовлечения в терроризм. Именно поэтому так важна деятельность образовательной системы, которая должна донести студентам баланс между возможностями и угрозами и научить их учитывать и предусматривать опасности, ориентироваться в требованиях конкретных экстремальных ситуаций [20].

Следующий важный блок теоретического анализа посвящен методам организации работ по развитию антитеррористического сознания. Так, E. Nussio, T. Böhmelt и V. Bove, обосновывают, что игровая практика является качественным средством для формирования у молодежи рефлексивного сознания. Она заключается в развитии положительного самовосприятия и восприятия окружения, адекватное самосуждение, здоровая гражданская позиция, сосредоточение на общих социальных ценностях, желание самовоспитания и т. д. [21]. В

¹ Психология формирования антитеррористических ценностей студентов современного университета: учебник / под ред. И.В. Абакумовой, П.Н. Ермакова. Москва: КРЕДО; 2013. 352 с.

качестве ведущей технологии формирования антитеррористических установок российские исследователи предлагают междисциплинарные технологии [22]; интерактивные методы¹; проектные и игровые методы [23]. Исследователи отмечают, что в организации профилактики терроризма среди студентов очень важна интерактивная, деятельностная составляющая. Например, R. Omar и A. Casero-Ripolles отмечают, что низкая мотивация молодежи к участию в антитеррористических акциях и мероприятиях, а также их низкая результативность чаще всего связана с ориентацией на пассивную потребительскую позицию молодежи, отсутствием интерактивных форматов, низкой готовностью кадров к дискуссионной работе с молодежью [24]. Нельзя не отметить и еще одну важную тенденцию, выявленную Б. Н. Земцовым и Т. Р. Суздальной, а именно огромный потенциал гуманитарных предметов в профилактике терроризма и экстремизма [25].

Понимание студентами террористических угроз и терроризма как деструктивного социального явления, следует полагать, не унитарно [26]. Существует дисперсия глубины и остроты сопереживания жертвам, студенты по-разному интерпретируют мотивацию террористов, воспринимают и видят социальные последствия и причины актов устрашения. Обычно в научной дискуссии принято фокусироваться на анализе религиозных взглядов [27; 28], восприятии прав человека², политических и мировоззренческих позиций [29] как основных коррелятах отношения к терроризму. Предполагается, что именно эти категории лучше остальных объясняют, почему люди так или иначе реагируют на террористический акт, а также на их оценку рисков таких актов в будущем.

Учитывая насыщенность исследовательского поля, авторы в рамках заимствуемого подхода стараются абстрагироваться от достаточно подробно изученной области влияния обозначенных категорий и сконцентрироваться на анализе не менее важных с точки зрения формирования таргетированных социальных программ профилактики террористической деятельности [30] факторах гендера респондентов и их возраста.

Гендерные различия в понимании терроризма

Авторы рассматривают указываемую проблему сквозь призму теории гендерного конструирования D. H. Zimmerman, C. West. Гендер в данной теории не существует устойчиво как изначально принятая роль, а повседневно производится через акты взаимодействия и сонастройки предыдущего опыта и реакции на конкретные события. Такой тезис D. H. Zimmerman и C. West заимствуют из программы социологии повседневности Г. Гарфинкеля и И. Гофмана³.

¹ Противдействие идеологии терроризма в образовательной сфере и молодежной среде: материалы Всероссийского форума (25 сентября 2018 г.). Москва: МГИМО; 2018. 246 с.

² Пейсахов Т.А. Кросскультурные особенности отношения молодежи к терроризму в условиях современной России: дис. ... канд. психол. наук. М.: Московский государственный открытый педагогический университет им. М.А. Шолохова; 2006. 221 с.

³ Несмотря на линию противоречий Гарфинкель – Гофман (см. Глазков К. Игровая концепция повседневности И. Гофмана: между символическим интеракционизмом и этнометодологией. *Социологическое обозрение*. 2016;15(2):167–191. Режим доступа: <https://sociologica.hse.ru/en/2016-15-2/186011237.html> (дата обращения: 03.05.2025).

D. H. Zimmerman и C. West не писали непосредственно о терроризме, но, опираясь на их теорию, можно полагать, что мужчины и женщины, сталкиваясь с террористической тематикой, которая явно не присутствовала в их повседневной жизни ранее, и к которой у них нет усвоенного опыта нормативного отношения, стараются такое отношение сконструировать, создав, тем самым, свою уникальную женскую или мужскую реакцию на терроризм. D. H. Zimmerman и C. West полагают, что люди подотчетны (авторский термин D. H. Zimmerman и C. West) своему гендеру – они сверяются с собственными представлениями о том, как должны вести себя мужчина или женщина, с тем, какие в обществе сформировались стереотипы о типично женском или мужском¹. Среди ключевых характеристик, которые составляют критерии для подотчетности мужчин и женщин обычно выделяются следующие: забота, поддержка, сопереживание, эмоциональность, мягкость для женщин; лидерство, жесткость, ориентацию на материальную выгоду, бесстрашие, хладнокровие для мужчин [31].

В предметной литературе о восприятии терроризма можно обнаружить несколько отдельных выводов о гендерных различиях. В частности, в исследовании Н. Миллер о студенческой молодежи продемонстрировано, что мужчины склонны сильнее выражать бесстрашие по отношению к проблеме терроризма: всегда ощущают себя в безопасности всего 38 % девушек и 58 % юношей. Также в статье можно обнаружить свидетельства о рассмотрении вопросов сквозь материальную призму у мужчин-студентов: 47 % мужчин и 18 % девушек видят среди ключевых причин вовлечения в террористическую деятельность материальные [32].

О более остром эмоциональном переживании террористических актов женщинами пишут Ю. Быховец и Н. Казымова. Исследователи замечают, что женщины после теракта склонны воспринимать новые террористические атаки как более вероятные, а также у них более выражены признаки посттравматического стресса в сравнении с мужчинами, которые со временем пришли к нормотипичным значениям восприятия террористической угрозы [33]. А. Братусин, анализируя результаты, собранные по методике Майерс-Бриггс, замечает, что девушки более склонны приписывать террористам собственные личностные качества, воспринимая, тем самым, террористов как более восприимчивых к формам первичной профилактики. В то же время юноши скорее находят террористов отличными от себя [34], из чего может следовать готовность к более силовому решению проблемы терроризма. Авторы вышеприведенных текстов теоретически не обосновывали с точки зрения гендерной теории обнаруженные гендерные различия, что обеспечивает научную новизну данной работе и изложенному в ней подходу.

Возрастные различия в понимании терроризма

Авторы не стремятся создать единую теоретическую рамку и соответствующую ей гендерно-возрастную типологию понимания терроризма и от-

¹ West C., Zimmerman D.H. Accounting for doing gender. *Gender & Society*. 2009;23(1):112–122. doi:10.1177/0891243208326529

ношения к нему, а, скорее, проверить отдельные теоретические тезисы применительно к этим двум переменным (гендер и возраст). В соответствии с этим теоретическое обоснование здесь и эмпирические выводы далее будут представлены в разрезе отдельно гендерных отличий и отдельно возрастной структуры.

Студенты большей частью представляют собой гомогенную возрастную группу: отличия между ними в количественном выражении минимальны и составляют чаще всего не более пяти-шести лет. Однако, как отмечают М. Русякова с соавт., на данный этап приходится ключевые трансформационные события жизненного пути: получение первого опыта самостоятельного проживания в общежитии или съемной квартире, связанное с этим обустройство своего быта; первое трудоустройство на работу; первые долгосрочные романтические отношения, свадьба и т. д. [35]. В соответствии с этим будет справедливо ожидать существование возрастных различий студентов во взглядах на общественно значимые вопросы (в том числе вопрос противодействия терроризму), их оценку общественных угроз и возможных механизмов профилактики. Существующая профильная литература подтверждает эти тезисы. В. Гридина и Т. Петина анализируют различия во взглядах разных возрастных категорий молодежи и обнаруживают, что представители молодежи более старшего возраста склонны иметь более комплексную позицию о терроризме, которая, с одной стороны, обусловлена их личным опытом, а, с другой — экспертным сообществом. Также более старшие представители молодежи считают в целом проблему терроризма более важной [36]. К тем же выводам приходит и С. Яковлева, которая замечает, что более ответственное и комплексное представление о терроризме у представителей старшей группы молодежи обусловлено, в первую очередь, большим жизненным опытом, а также более острого восприятия угрозы терроризма как угрозы для своей семьи и близких [37]. Представление более юных представителей молодежи, напротив, фрагментарное и упрощенное, что делает их более склонными к радикализации и подветренными большому риску вовлечения в террористические группы, согласно выводам Н. Сангаевой [38].

Существенным минусом обозначенных исследований являются либо ограниченное число респондентов, которые приняли в них участие, либо отсутствие достоверных проверок значимости полученных результатов. Опираясь на приведенные теоретические рассуждения и эмпирические свидетельства из профильной литературы, можно предположить несколько ключевых гипотез для эмпирического исследования:

1. Мужчины-студенты будут демонстрировать жесткую силовую позицию по вопросу решения проблемы терроризма. Она будет заключаться в необходимости незамедлительного применения силовых методов государства для подавления террористической активности; проявлении насилия со стороны государства посредством конкретных операций по уничтожению боевиков. Девушки-студентки, напротив, будут больше внимания уделять не-

насилованным методам борьбы с терроризмом: первичной профилактики, усилению мер безопасности в местах скопления граждан.

2. Мужчины-студенты должны сдержанно рассуждать о страхах перед терроризмом, демонстрировать, что необходим холодный подход к решению проблемы. Наоборот, девушки-студентки будут более открыто выражать тревогу по поводу безопасности своих родных и близких.

3. Более старшие студенты будут чаще выступать за применение более острого и всеобъемлющего ответа на террористическую угрозу.

Методология, материалы и методы

Структура инструментария и формулировки вопросов. Методология исследования опирается на структурную психолого-педагогическую модель, компонентов антитеррористического сознания: мотивационно-смысловой, когнитивно-знаниевый и рефлексивно-деятельностный. Данная модель была использована при проектировании методики социологического исследования развитости антитеррористического сознания у студенческой молодежи.

Выборочная совокупность. Социологическое исследование по определению понимания сущности современного терроризма и его последствий для жизни общества было проведено среди молодежи 16–24 лет. Разработанная анкета была направлена не только на выявление наличия или отсутствия факторов риска вовлечения в терроризм, но и личностное отношение к террористической деятельности как противоправной и разрушительной, наличие осознаваемых или неосознанных установок.

В анкетировании приняли участие студенты Карагандинского исследовательского университета им. Е. Букетова, Казахского национального аграрно-исследовательского университета, Кызылординского университета имени Коркытата, Таразского университета им. М. Х. Дулати, Каспийского университета, Университета Болашак (Кызылорда), Таразского инновационно-гуманитарного университета, Костанайского регионального университета им. А. Байтурсынова, Костанайского инженерно-экономического университета. Вузы расположены в разных регионах республики и в целом был обеспечен охват южного, северного регионов. В анкетировании принял участие 531 студент.

Данные о половозрастной структуре выборочной совокупности приводятся в таблице 1.

Таблица 1
Доля респондентов в указанных половозрастных группах

Table 1
Percentage of respondents in the specified gender and age groups

Возраст / Age	Мужчины / Men	Женщины / Women
от 16 до 18 лет / from 16 to 18 years old	2,4 %	7,7 %
от 18 до 20 лет / from 18 to 20 years old	18,1 %	28,8 %

от 20 до 22 лет / <i>from 20 to 22 years old</i>	12,8 %	13,6 %
от 22 до 24 лет / <i>from 22 to 24 years old</i>	4,3 %	3,6 %
старше 24 лет / <i>over 24 years old</i>	4,5 %	4,1 %

В анкете респондентам предлагалось отнести себя к одной из пяти категорий, представленных в колонке «возраст» в таблице 1.

Методика анализа. Сформулированные гипотезы предполагают существование устоявшихся моделей интерпретации терроризма учащимися. Для выделения данных моделей был использован кластерный анализ методом к-средних. Были выбраны следующие переменные кластеризации (табл. 2):

Таблица 2

Операционализация переменных кластерного анализа

Table 2

Operationalisation of cluster analysis variables

Формулировка вопроса / <i>Wording of the question</i>	Варианты ответа / <i>Answer options</i>	Кодирование переменной / <i>Variable encoding</i>
Отметьте все характеристики, которые, на Ваш взгляд, подходят к определению терроризма / <i>Check all the characteristics that, in your opinion, fit the definition of terrorism</i>	Устрашение / <i>Intimidation</i>	1 – Выбран вариант ответа 0 – Вариант ответа не выбран / 1 – <i>Answer option selected</i> 0 – <i>Answer option not selected</i>
	Нарушение закона / <i>Violation of the law</i>	
	Проявление жестокости / <i>Manifestation of cruelty</i>	
	Нетерпимость / <i>Intolerance</i>	
	Борьба за свободу / <i>The struggle for freedom</i>	

Число кластеров определялась при помощи графика каменистой осыпи, где метрикой была сумма квадратов расстояний (рис. 1). Качество полученных кластеров определялось при помощи силуэтной меры. Значимость гендерных различий между кластером и общей выборкой, а также аналогичных различий переменных кластеризации определялась при помощи критерия Краскела – Уоллиса, поскольку распределение переменных значительно отклонялось от нормального (тест Колмогорова – Смирнова, $p < 0,05$ для всех переменных). Профилирование кластеров проводилось при помощи корреляции Спирмена.

Также были измерены статические различия в уровне ощущения безопасности в стране и субъективной тревоги по поводу террористической угрозы (критерий Краскела – Уоллиса для гендерных различий; тест корреляции Спирмена для возрастных различий). Переменные и формулировки вопросов приводятся в табл. 3.

Таблица 3
 Операционализация переменных ощущения остроты проблемы терроризма и безопасности

Table 3
 Operationalisation of variables related to the perceived urgency of terrorism and security issues

Переменная / Variable	Формулировка вопроса / Question wording	Варианты ответа и их кодирование / Answer options and their coding
Безопасность в стране / Safety in the country	Чувствуете ли вы себя в безопасности в Казахстане? / Do you feel safe in Kazakhstan?	1 – полностью да / completely yes 2 – скорее да, чем нет / more yes than no
Острота проблемы терроризма / The severity of the terrorism problem	Как Вы думаете, существует ли в Казахстане проблема терроризма? / Do you think there is a terrorism problem in Kazakhstan?	3 – скорее нет, чем да / more no than yes 4 – полностью нет / completely no

Результаты исследования

В рамках исследования методом каменистой осыпи были выделить устойчивые паттерны понимания терроризма. (рис. 1).

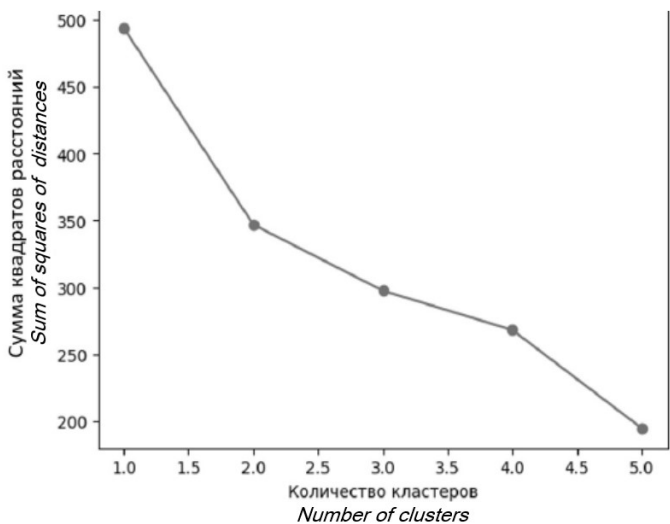

Рис. 1. Устойчивые паттерны понимания терроризма студентами, выявленные методом каменистой осыпи

Fig. 1. Stable patterns of understanding terrorism by students, identified by the Scree Test

Опираясь на теоретические предположения, а также на приведенный график, авторы приняли решение выделить три кластера. Силуэтная мера составила 0,408, что указывает на хорошее качество кластеризации.

Средние значения переменных для кластеров, доля женщин в получившихся кластерах, а также статистическая значимость отличий кластеров от всей выборки пригодятся в табл. 4.

Таблица 4

Описательные статистики для получившихся кластеров

Table 4

Descriptive statistics for the resulting clusters

Переменная / Variable	Кластер 1 / Cluster 1	Кластер 2 / Cluster 2	Кластер 3 / Cluster 3	Всего / Total
Переменные кластеризации / Clustering variables				
Число респондентов / Number of respondents	206	179	146	531
Устрашение / Intimidation	100 %*	28 %*	0 %	48 %
Нарушение закона / Violation of the law	78 %*	46 %*	68 %	64 %
Проявление жестокости / Cruelty	100 %*	0 %*	100 %*	66 %
Нетерпимость / Intolerance	29 %*	3 %*	15 %	16 %
Борьба за свободу / Fight for freedom	15 %*	4 %*	10 %	10 %
Гендерные различия / Gender differences				
Доля женщин/ Percentage of women	65 %*	51 %	55 %	57 %

Примечание. * р-значение < 0,01, тест Краскела – Уоллиса для попарного сравнения респондентов в кластере и в выборке в целом; для переменных кластеризации – доля выбравших вариант ответа

Note. * p -value < 0.01, Kruskal – Wallis test for pairwise comparison of respondents in the cluster and in the sample as a whole; for clustering variables – the proportion of respondents who chose the answer option

Получившиеся кластеры отражают выделенные в соответствии с теоретическим обзором типические позиции относительно восприятия терроризма. Первый и наиболее многочисленный кластер – это студенты, которые наиболее остро и многогранно воспринимают терроризм. Они чаще остальных полагают, что терроризм – это акт устрашения, нарушение законодательства, проявление жестокости и нетерпимости. В то же время в этом кластере также относительно чаще респонденты указывали, что терроризм может быть формой борьбы за свободу. Доля женщин в данном кластере статистически значимо выше. Это позволяет подтвердить вторую гипотезу исследования о том, что женщины более остро реагируют на проблему терроризма (переменные «нарушение закона», «проявление жестокости»), испытывают больший страх по поводу террористических актов (переменная «устрашение»). В то же вре-

мя результаты косвенно подтверждают также более милосердное отношение к террористам – респонденты данного кластера чаще остальных указывают, что терроризм – это борьба за свободу. Такое более сочувствующее отношение к террористам предполагает, как показано в теоретическом обзоре, большую склонность к выбору мер профилактики, а не силовой борьбы с терроризмом, что и заявляется в первой гипотезе.

Респонденты второго кластера, напротив, полагают, что терроризм значительно реже является формой устрашения или проявления нетерпимости, а также борьбой за свободу, а также проявлением нетерпимости или жестокости. Другими словами, респонденты второго кластера обладают более холодным отношением к терроризму. Доля мужчин в этом кластере не отличается от средней доли по всей выборке, но она явно ниже, чем в первом кластере – был проведен дополнительный тест Краскела – Уоллиса, р-значение < 0,01.

Данные результаты позволяют подтвердить первую и вторую гипотезы исследования. Поскольку вопросы о мерах борьбы с терроризмом напрямую не ставились, можно говорить, скорее, о косвенном подтверждении первой гипотезы. Для однозначного подтверждения необходимы дальнейшие исследования.

Далее было проведено профилирование кластеров при помощи корреляции Спирмена по переменной возраста. Результаты приводятся в табл. 5.

Таблица 5
 Результаты профилирования кластеров по переменной «возраст», корреляция Спирмена

Table 5
 Results of cluster profiling by the variable “age”, Spearman’s correlation

	Значение статистики / Statistical value	р-значение / p-value
Кластер 1 / Cluster 1	-0,06	0,14
Кластер 2 / Cluster 2	0,09	0,04
Кластер 3 / Cluster 3	-0,02	0,61

Была обнаружена только слабая корреляция для второго кластера. Более взрослые студенты в соответствии с результатами обладают более холодным отношением к проблеме терроризма. Поскольку корреляция оказалась слабой, видится важным провести дополнительный анализ в последующих исследованиях.

Далее при помощи теста Краскела – Уоллиса была проанализирована значимость гендерных различий восприятия безопасности в стране и остроты проблемы терроризма. Результаты пригодятся в табл. 6.

Таблица 6

Средние значения переменных,

Table 6

Average values of variables,

Переменные / Variables	Женщины / Women	Мужчины / Men	Всего / Total
Безопасность в стране / Security in the country	2,11*	1,79*	1,97
Острота проблемы терроризма / Severity of the problem of terrorism	2,24*	2,44*	2,32

Примечание. * р-значение < 0,01

Note. * p-value < 0.01

Из таблицы очевидно, что женщины ощущают себя менее безопасно в Казахстане, а также скорее уверены в остроте проблемы терроризма в стране. Это также подтверждает сформулированную в статье вторую гипотезу.

Для указанных в таблице переменных не обнаружено значимой взаимосвязи с возрастом респондентов (р-значение > 0,05, корреляция Спирмена), что не позволяет подтвердить третью гипотезу.

Обсуждение

Полученные результаты позволяют нам уточнить мотивационно-ценностный, когнитивно-знаниевый и, частично, рефлексивно-деятельностный компоненты антитеррористического сознания. В целом, студенты правильно понимают последствия и интерпретируют причины терроризма. Терроризм в их сознании всегда связан с насилием человека над человеком, они понимают его разрушительную, дестабилизирующую роль в обществе; проявляют искренне сочувствие жертвам терроризма. Отличительные черты терроризма по мнению студентов – борьба за власть, национальная, религиозная и иная нетерпимость, использование запугивания как метод достижения своей цели. С другой стороны, часто студенты подсознательно «оправдывают» терроризм, приписывая ему романтические черты (стремление к справедливости, стремление к лучшему миру); или проявляя сочувствие к террористам (нехватка ресурсов, стремление к риску, стремление стать частью группы, стремление к самореализации). Очевидно, что именно эти ценностные суждения должны быть осмыслены и осознаны в процессе воспитательной работы, при этом – важно опираться на объективный интерес молодежи к политике, истории и современности государства, на их понимании роли идеологии в жизни современного общества.

Исходя из результатов исследования можно указать на важность регулярного мониторинга самовосприятия молодежи. Важно также отметить, что этап развития антитеррористического сознания является стратегически трудным процессом и в той или иной степени связан с удовлетворенностью (неудовлет-

воренностью) свой жизнью молодежи, ее ощущением безопасности и перспектив жизни и самореализации в родной стране.

Выявленная большая уязвимость студентам младших курсов позволила нам констатировать необходимость обратить внимание на разработку программы развития антитеррористического сознания студентов 1–2 курсов. Следует отметить, что ранее проведенные исследования А. Ю. Быкова [4], Т. В. Фуряевой, С. В. Шик [5] и С. В. Вентцель [14] поднимали вопросы общие теоретические вопросы антитеррористического сознания. Однако концептуальные основы разработки и применения социально-педагогического механизма среди студенческой молодежи Казахстана в вузах, дислоцированных в различных городах, не исследовались.

В частности, основным вкладом является то, что в ходе проведенного нами исследования был разработан курс, который позволил студентам самостоятельно в составе групп ответить на вопросы: 1) что такое антитеррористическое сознание? 2) каковы нормативно-правовые основы антитеррористического сознания? 3) что делать и каковы мои действия при возникновении террористических угроз и опасности вовлечения в террористическую деятельность? 4) как я могу противостоять чужому влиянию? 5) как развивать критическое мышление? Цель данного теоретико-дискуссионного раздела – информирование о значимости противодействия терроризму, ознакомление с правовыми аспектами и методами противодействия привлечению к террористическим действиям. Далее студентам предлагалась практическая часть, направленная на отработку мотивационно-смыслового и рефлексивно-деятельностного компонентов антитеррористического сознания. Это были серия круглых столов с приглашением специалистов антитеррористического центра г. Алматы: «Реалии и инструменты современного терроризма», «Роль студенческих инициатив в противодействии терроризму», с приглашением муфтиев и работников мечети «Духовно-ценностные приоритеты современной молодежи», «Межэтническое согласие в Казахстане»; серия практических занятий и тренингов: «Уверенно: НЕТ!», «Анализируй и воспринимай», «Познание человека», «Познавай себя», «Моя группа»; серия групповых обсуждений после просмотра видеофильмов: «Делать правильно выбор», «Моя семья, моя опора»; образовательный квест по итогам завершения курса. Студенты в рамках программы выступали в роли активных субъектов образовательной деятельности, спорили, проясняли свои позиции, сопоставляя их к экспертному мнению.

Как следствие все участники курса отметили значимость такого рода усилий и важность результатов проведенного исследования, а также его отличия от аналогичных исследований других авторов. Наряду с этим, аналогичную оценку курс получил и у экспертов, которые обозначили осознанный интерес студентов к проблеме. Подчеркнули, что в рамках исследования применены современные инструменты профилактики и качественный контент, разработанный с учетом высокой востребованности визуальных, эмоциональных образов, критичности, диалогичности при формировании сознания студенческой молодежи.

В то же время, на наш взгляд, проблема развития антитеррористического сознания у студентов должна стать реальным полем битвы для различных специалистов: политологов, религиоведов, теологов, психологов, педагогов.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что поставленная цель исследования достигнута, в частности, изучены особенности понимания сущности террористической деятельности и ее последствий в среде студенческой молодежи (возрастная группа 16–24 года).

Достижение данной цели позволяет решить указанные во введении к статье проблемы, связанные с тем, что молодые люди в большинстве своем не всегда способны найти адекватный путь для выражения своей идентичности, обеспечить конструктивный диалог, свободный формат обсуждения спорных вопросов, междисциплинарная связь, тем самым повысить медиаграмотность у студентов и способность к самостоятельной фильтрации информации, выявлению фейков и экстремистской пропаганды, развить умение видеть методы манипуляции, формировать критическое мышление и т. д. Как следствие это позволило развить у студентов иммунитет к манипуляциям и пропаганде идеологии терроризма, выработать у них обоснованную позицию и не допускать вовлечения в экстремистские течения.

В ходе исследования установлено, что изменение общественного сознания казахстанской молодежи всегда являлся объектом внимания социологических, политологических, юридических и педагогических наук. Глобализация, миграционные процессы, открытость интернет-пространства актуализируют разработку профилактических мероприятий по пониманию студентами традиционных национальных приоритетов и критического осмысления чуждых религиозных влияний, а также программ развития антитеррористического сознания молодежи.

Исследование показывает, что восприятие террористических угроз студентами во многом зависит от их когнитивных процессов, включая уровень образования, критическое мышление и способность анализировать информацию. Студенты младших курсов показывают более слабое понимание социальных, политических и культурных контекстов напряженности. Студенты старших курсов более уверены в своей оценке террористических угроз.

Обозначенные в исследовании методики противодействия терроризму позволяют выделить субъектную позицию современной молодежи в части процесса выработки антитеррористического сознания у себя и своих сверстников в качестве ключевого фактора успешности профилактических действий и системы воспитания.

В перспективе научно-исследовательская работа будет продолжена в рамках изучения влияния социального и культурного окружения на развитие антитеррористического сознания и будет затрагивать региональные специфики восприятия террористических угроз и понимания мер противодействия им.

Список использованных источников

1. Combs C.C. *Terrorism in the Twenty-First Century*. Taylor&Francis; 2022. Accessed May 02, 2025. <https://www.google.com/books?hl=uk&lr=&id=Rb5zEAAAQBAJ>
2. Taylor S. *The Psychology of Terrorism. What Makes Young Men Prepared to Kill for a Cause?* 2014. Accessed May 02, 2025. <https://www.psychologytoday.com/us/blog/out-of-the-darkness/201409/the-psychology-of-terrorism>
3. Далматов К.Ж. Направления и практика деятельности органов прокуратуры по противодействию с терроризмом. *Proceedings of the 3rd International Scientific and Practical Conference "Scientific Horizon in the Context of Social Crises"*; April 16–18, 2020. Tokyo, Japan: Otsuki Press; 2020:171–183. Режим доступа: <http://ir.librarynmu.com/bitstream/123456789/1999/1/2020.04.16-18.pdf#page=172> (дата обращения: 02.05.2025).
4. Быков А.Ю. Экстремизм vs свобода слова: опыт ограничения экстремистских высказываний в американских кампусах и университетских СМИ. *Медиа в современном мире. 59-е Петербургские чтения: сб. матер. Междунар. научн. форума (9–12 ноября 2020 г.)* / отв. ред. В.В. Васильева. В 3 т. Т. 2. СПб.: Медиапапир; 2020:223–224. Режим доступа: jfs.spbu.ru/upload/files/file_1611837161_0846.pdf (дата обращения: 02.05.2025).
5. Фурьева Т.В., Шик С.В. В диалоге с обучающимися: формирование антитеррористического сознания в процессе изучения факультативного курса. *Вестник национального антитеррористического комитета*. 2022;2(29):32–41. Режим доступа: <https://nac.gov.ru> (дата обращения: 02.05.2025).
6. Дусметова С.И., Налибай А.А. Проблема терроризма в республике Казахстан. *Постсоветские исследования*. 2020;4. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-terrorizma-v-respublike-kazakhstan> (дата обращения: 21.04.2025).
7. Schmid A.P. *Defining Terrorism*. The Hague: ICCT; 2023. Accessed May 02, 2025. https://icct.nl/sites/default/files/2023-03/Schmidt%20-%20Defining%20Terrorism_1.pdf
8. Clemmow C. *Risk Factors and Indicators for Engagement in Violent Extremism*. 2020. Accessed May 02, 2025. https://www.researchgate.net/publication/348694329_Risk_factors_and_indicators_for_engagement_in_violent_extremism
9. Smith A. Risk factors and indicators associated with radicalization to terrorism in the United States. *National Institute of Justice Tells*. 2018. doi:10.13140/RG.2.2.31568.87044
10. Шарипова Д., Бейменбетов С. *Молодежь в Казахстане: оценка ценностей, ожиданий и стремлений*. Алматы; 2021. 98 с. Режим доступа: <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/kasachstan/18456.pdf> (дата обращения: 25.05.2023).
11. Абдирайымова Г.С., Веревкин А.В., Лифанова Т.Ю. К оценке социального настроения казахстанского студенчества. *Социологические исследования*. 2023;1:107–113. doi:10.31857/S013216250016670-0
12. Жаркынбекова Ш.К., Галиева Б.Х., Аюпова Г.К. Социокультурные аспекты идентификации студенческой молодежи современного Казахстана. *Вестник ЕНУ им. Л.Н. Гумилева*. 2024;1(146):376–395. doi:10.32523/2616-6895-2024-146-1-376-395
13. Абсатова М. Психологический портрет студенческой молодежи: эмпирические исследования Нопорсcollege. *Вестник КазНПУ имени Абая. Серия: Психология*. 2023;76. doi:10.51889/2959-5967.2023.76.3.013
14. Вентцель С.В. Краткое руководство. Эффективная система профилактики: антитеррористическое сознание и новые практики. *Обзор. НЦПТИ*. 2021;4(27). Режим доступа: <https://antiterror.utmn.ru/materialy/1137028/> (дата обращения: 02.05.2025).
15. Леонов А.К. *Основы применения SPSS в социологии: учеб. пособие*. Благовещенск: Амурский гос. ун-т; 2016. 167 с. Режим доступа: https://irbis.amursu.ru/DigitalLibrary/AmurSU_Edition/7337.pdf (дата обращения: 05.05.2025).

16. Walker C., Cawley O. The juridification of the UK's counter terrorism prevent policy. *Studies in Conflict & Terrorism*. 2020;45(11):1004–1029. doi:10.1080/1057610X.2020.1727098
17. Piazza J.A. Fake news: the effects of social media disinformation on domestic terrorism. *Dynamics of Asymmetric Conflict*. 2021;15(1):55–77. doi:10.1080/17467586.2021.1895263
18. Kar N. Depression in youth exposed to disasters, terrorism and political violence. *Current Psychiatry Reports*. 2019;21:73. doi:10.1007/s11920-019-1061-9
19. Schuurman B., Carthy S.L. The Makings of a terrorist: continuity and change across left-, right- and jihadist extremists and terrorists in Europe and North-America, 1960s–present. *Deviant Behavior*. 2022;44(6):953–974. doi:10.1080/01639625.2022.2118088
20. Sjøen M.M. Let's talk about terrorism. *Journal of Peace Education*. 2021;18(3):309–325. doi:10.1080/17400201.2021.1987869
21. Nussio E., Böhmelt T., Bove V. Do terrorists get the attention they want? Comparing effects of terrorism across Europe. *Public Opinion Quarterly*. 2021;85(3):900–912. doi:10.1093/poq/nfab046
22. Кара Ж., Крутелёва Л. Об особенностях развития установок антитеррористического сознания в молодежной среде. *Российский психологический журнал*. 2018;10(5):56. doi:10.21702/grj.2013.5.6
23. Романова Т.В. Модель формирования антитеррористического сознания студентов педагогического вуза. *Социально-политические исследования*. 2024;1(22):153–166. doi:10.20323/2658-428X-2024-1-22-153
24. Omar R., Casero-Ripollés A. Impact of influencers' Facebook pages in cultivating fear and terror among youths during the COVID-19 pandemic. *Online Journal of Communication and Media Technologies*. 2023;13(2):e202314. doi:10.30935/ojcm/130052023
25. Земцов Б.Н., Суздалева Т.Р. Профилактика экстремистских настроений в студенческой среде. *Этносоциум и межнациональная культура*. 2020;7(145):25–35.
26. Jerome L., Elwick A. Identifying an educational response to the prevent policy: student perspectives on learning about terrorism, extremism and radicalisation. *British Journal of Educational Studies*. 2017;67(1):1–18. doi:10.1080/00071005.2017.1415295
27. Злоказов К.В., Караяны А.Г., Прокурова Н.С. Радикализация представлений молодежи о роли религии в обществе методами когнитивной войны. *Психопедагогика в правоохранительных органах*. 2022;27(3):246–256. doi:10.24412/1999-6241-2022-390-246-256
28. Эмануилов Р., Яшлавский А. *Религия и терроризм. Проблема соотношения*. М.: Наука; 2016. 413 с. Режим доступа: https://books.google.kz/books?id=4n_8EAAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 25.05.2025).
29. Грязнова О. Массовое отношение к терроризму как показатель политической культуры жителей России. *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*. 2005;3:16–29. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/massovoe-otnoshenie-k-terrorizmu-kak-pokazatel-politicheskoy-kultury-zhiteley-rossii/pdf> (дата обращения: 22.05.2025).
30. Bizina M., Gray D.H. Radicalization of youth as a growing concern for counter-terrorism policy. *Global Security Studies*. 2014;5(1). Accessed May 02, 2025. <http://connection.ebscohost.com/c/articles/94733127/radicalization-youth-as-growing-concern-counter-terrorism-policy>
31. Zimmerman D.H., West C. Sex roles, interruptions and silences in conversation. In: R. Singh, ed. *Towards a Critical Sociolinguistics*. John Benjamins Publishing Company; 2008:211–236. Accessed May 02, 2025. <https://chooser.crossref.org/?doi=10.1075%2Fcilt.125.12zim>
32. Миллер Н.Н. Контртеррористические стратегии заинтересованных субъектов в контексте восприятия терроризма студенческой молодежью. *Южно-российский журнал социальных наук*. 2010;3:97–108. Режим доступа: https://www.chsu.kubsu.ru/arhiv/2010_3/2010_3_Miller.pdf (дата обращения: 02.05.2025).

33. Быховец Ю.В., Казымова Н.Н. Современные отечественные исследования психологических факторов переживания террористической угрозы. *Психологический журнал*. 2019;40(3):22–30. doi:10.31857/S020595920004542-2
34. Братусин А.Р. Проекционный характер восприятия образа террориста современной молодежью. *Приоритеты и механизмы обеспечения экономического роста, финансовой стабильности и социальной сбалансированности в России: сборник статей Международной научно-практической конференции, Краснодар, 29 апреля 2016 года*. Краснодар: АНО «Научно-исследовательский институт истории, экономики и права»; 2016:22–27.
35. Русакова М., Салманова Д.А., Ткач С., Короева В.А. Подходы к пониманию взросления: исторический обзор. *Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки*. 2023;17(4):31–39. doi:10.31161/1995-0659-2023-17-4-31-39
36. Гридина В.В., Петина Т.М. Восприятие терроризма в молодежной среде: социально-политические аспекты. *Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки*. 2017;19(6):18–25. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vospriyatie-terrorizma-v-molodezhnoy-srede-sotsialno-politicheskie-aspekty/pdf> (дата обращения: 28.05.2025).
37. Яковлева С.В. Отношение молодежи к террористическим актам. *Формирование антиэкстремистской и антитеррористической среды в вузе на современном этапе: сборник докладов Международной научно-практической конференции, Белгород, 25 марта 2021 года*. Белгород: Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова; 2021:415–419.
38. Сангаева Н.А. Психологические основы терроризма в молодежной среде: факторы, мотивы и пути противодействия. «Диалог культур народов – залог мира и согласия», X республиканская научно-практич. конф. (12 ноября 2024 г., Городовиковск). Городовиковск; 2024;2:177–179. Режим доступа: <https://mpk-rk.ru/Документы/Диалог%20культуры%20Сборник%20Том%201.pdf> (дата обращения: 03.05.2025).

References

1. Combs C.C. *Terrorism in the Twenty-First Century*. Taylor&Francis; 2022. Accessed May 02, 2025. <https://www.google.com/books?hl=uk&lr=&id=Rb5zEAAAQBAJ>
2. Taylor S. *The Psychology of Terrorism. What Makes Young Men Prepared to Kill for a Cause?* 2014. Accessed May 02, 2025. <https://www.psychologytoday.com/us/blog/out-of-the-darkness/201409/the-psychology-of-terrorism>
3. Dalmotov K.Zh. Directions and practices of the prosecutor's office in countering terrorism. In: *Proceedings of the 3rd International Scientific and Practical Conference "Scientific Horizon in the Context of Social Crises"*; April 16–18, 2020. Tokyo, Japan: Otsuki Press; 2020:171–183. (In Russ.) Accessed May 02, 2025. <http://ir.librarynmu.com/bitstream/123456789/1999/1/2020.04.16-18.pdf#page=172>
4. Bykov A.Y. Extremism and freedom of speech: experience of restricting extremist statements on American campuses and in university media. In: Vasilyeva V.V., ed. *Media v sovremennom mire. 59-e Peterburgskie chtenija: sbornik materialov Mezhdunarodnogo nauchnogo foruma = Media in the Modern World. 59th St. Petersburg Readings: Collection of Materials from the International Scientific Forum*; November 9–12, 2020. Saint Petersburg: Publishing House Mediapapir; 2020:223–224. (In Russ.) Accessed May 02, 2025. jfs.spbu.ru/upload/files/file_1611837161_0846.pdf
5. Furyayeva T.V., Shik S.V. In dialogue with students: the formation of anti-terrorist consciousness in the process of studying an elective course. *Vestnik nacional'nogo antiterroristicheskogo komiteta = Bulletin of the National Anti-Terrorism Committee*. 2022;2(29):32–41. (In Russ.) Accessed May 02, 2025. <https://nac.gov.ru>
6. Dusmetova S.I., Nalibay A.A. The problem of terrorism in the Republic of Kazakhstan. *Postsovetkie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2020;4. (In Russ.) Accessed April 21, 2025. <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-terrorizma-v-respublike-kazahstan>

7. Schmid A.P. *Defining Terrorism*. The Hague: ICCT; 2023. Accessed May 02, 2025. [https://icct.nl/sites/default/files/2023-03/Schmidt %20- %20Defining %20Terrorism_1.pdf](https://icct.nl/sites/default/files/2023-03/Schmidt%20-%20Defining%20Terrorism_1.pdf)
8. Clemmow C. *Risk Factors and Indicators for Engagement in Violent Extremism*. 2020. Accessed May 02, 2025. https://www.researchgate.net/publication/348694329_Risk_factors_and_indicators_for_engagement_in_violent_extremism
9. Smith A. Risk factors and indicators associated with radicalization to terrorism in the United States. *National Institute of Justice Tells*. 2018. doi:10.13140/RG.2.2.31568.87044
10. Sharipova D., Beimenbetov S. *Molodezh' v Kazahstane: oценка cennostej, ozhidaniy i stremlenij = Youth in Kazakhstan: Assessment of Values, Expectations, and Aspirations*. Almaty; 2021. 98 p. (In Russ.) Accessed May 25, 2025. <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/kasachstan/18456.pdf>
11. Abdirayimova G.S., Verevkin A.V., Lifanova T.Yu. On assessing the social mood of Kazakhstani students. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological Research*. 2023;1:107–113. (In Russ.) doi:10.31857/S013216250016670-0
12. Zharkynbekova Sh.K., Galieva B.Kh., Ayupova G.K. Sociocultural aspects of the identification of student youth in modern Kazakhstan. *Vestnik Evrazijskogo nacional'nogo universiteta imeni L. N. Gumileva = Bulletin of the L. N. Gumilyov Eurasian National University*. 2024;1(146):376–395. (In Russ.) doi:10.32523/2616-6895-2024-146-1-376-395
13. Absatova M. Psychological portrait of student youth: empirical research Honorscollege. *Vestnik KazNPU imeni Abaja. Seriya: Psihologiya = Bulletin of KazNPU named after Abai. The Psychology Series*. 2023;76. (In Russ.) doi:10.51889/2959-5967.2023.76.3.013
14. Ventzel S.V. Quick guide. Effective prevention system: anti-terrorist awareness and new practices. *Obzor. NCPTI = Review. National Center for Countering Terrorism and Extremism (NCCTE)*. 2021;4(27). (In Russ.) Accessed May 02, 2025. <https://antiterror.utmn.ru/materialy/1137028/>
15. Leonov A.K. *Osnovy primeneniya SPSS v sociologii = Fundamentals of SPSS Application in Sociology*. Blagoveshchensk: Amur State University, 2016. 167 p. (In Russ.) Accessed May 05, 2025. https://irbis.amursu.ru/DigitalLibrary/AmurSU_Edition/7337.pdf
16. Walker C., Cawley O. The juridification of the UK's counter terrorism prevent policy. *Studies in Conflict & Terrorism*. 2020;45(11):1004–1029. doi:10.1080/1057610X.2020.1727098
17. Piazza J.A. Fake news: the effects of social media disinformation on domestic terrorism. *Dynamics of Asymmetric Conflict*. 2021;15(1):55–77. doi:10.1080/17467586.2021.1895263
18. Kar N. Depression in youth exposed to disasters, terrorism and political violence. *Current Psychiatry Reports*. 2019;21:73. doi:10.1007/s11920-019-1061-9
19. Schuurman B., Carthy S.L. The Makings of a terrorist: continuity and change across left-, right- and jihadist extremists and terrorists in Europe and North-America, 1960s–present. *Deviant Behavior*. 2022;44(6):953–974. doi:10.1080/01639625.2022.2118088
20. Sjøen M.M. Let's talk about terrorism. *Journal of Peace Education*. 2021;18(3):309–325. doi:10.1080/17400201.2021.1987869
21. Nussio E., Böhmelt T., Bove V. Do terrorists get the attention they want? Comparing effects of terrorism across Europe. *Public Opinion Quarterly*. 2021;85(3):900–912. doi:10.1093/poq/nfab046
22. Kara Zh., Kruteleva L. On the peculiarities of the development of anti-terrorist attitudes among young people. *Rossijskij psihologicheskij zhurnal = Russian Psychological Journal*. 2018;10(5):56. (In Russ.) doi:10.21702/rpj.2013.5.6
23. Romanova T.V. A model for the formation of anti-terrorist consciousness among students at a pedagogical university. *Social'no-politicheskie issledovaniya = Social and Political Studies*. 2024;1(22):153–166. (In Russ.) doi:10.20323/2658-428X-2024-1-22-153
24. Omar R., Casero-Ripollés A. Impact of influencers' Facebook pages in cultivating fear and terror among youths during the COVID-19 pandemic. *Online Journal of Communication and Media Technologies*. 2023;13(2):e202314. doi:10.30935/ojcm/130052023

25. Zemtsov B.N., Suzdaleva T.R. Prevention of extremist sentiments in the student environment. *Jet-nosocium i mezhnacional'naja kul'tura = Ethnosocium and Interethnic Culture*. 2020;7(145):25–35. (In Russ.)
26. Jerome L., Elwick A. Identifying an educational response to the prevent policy: student perspectives on learning about terrorism, extremism and radicalisation. *British Journal of Educational Studies*. 2017;67(1):1–18. doi:10.1080/00071005.2017.1415295
27. Zlokazov K.V., Karayani A.G., Prokurova N.S. Radicalization of young people's views on the role of religion in society through cognitive warfare methods. *Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah = Psychopedagogy in Law Enforcement Agencies*. 2022;27(3):246–256. (In Russ.) doi:10.24412/1999-6241-2022-390-246-256
28. Emanuelov R., Yashlavsky A. *Religija i terrorizm. Problema sootnoshenija = Religion and terrorism. The Problem of Correlation*. Moscow: Publishing House Nauka; 2016. 413 p. (In Russ.) Accessed May 25, 2025. https://books.google.kz/books?id=4n_8EAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false
29. Gryaznova O. Mass attitudes toward terrorism as an indicator of the political culture of Russian citizens. *Vestnik obshhestvennogo mnenija. Dannye. Analiz. Diskussii = Public Opinion Bulletin. Data. Analysis. Discussions*. 2005;3:16–29. (In Russ.) Accessed May 22, 2025. <https://cyberleninka.ru/article/n/massovoe-otnoshenie-k-terrorizmu-kak-pokazatel-politicheskoy-kultury-zhiteley-rossii/pdf>
30. Bizina M., Gray D.H. Radicalization of youth as a growing concern for counter-terrorism policy. *Global Security Studies*. 2014;5(1). Accessed May 02, 2025. <http://connection.ebscohost.com/c/articles/94733127/radicalization-youth-as-growing-concern-counter-terrorism-policy>
31. Zimmerman D.H., West C. Sex roles, interruptions and silences in conversation. In: R. Singh, ed. *Towards a Critical Sociolinguistics*. John Benjamins Publishing Company; 2008:211–236. Accessed May 02, 2025. <https://chooser.crossref.org/?doi=10.1075 %2Fcilt.125.12zim>
32. Miller N.N. Counterterrorism strategies of interested parties in the context of student youth perceptions of terrorism. *Juzhno-rossijskij zhurnal social'nyh nauk = South Russian Journal of Social Sciences*. 2010;3:97–108. (In Russ.) Accessed May 02, 2025. https://www.chsu.kubsu.ru/arhiv/2010_3/2010_3_Miller.pdf
33. Bykhovets Yu.V., Kazymova N.N. Contemporary domestic research on psychological factors in experiencing the terrorist threat. *Psihologicheskij zhurnal = Psychological Journal*. 2019;40(3):22–30. (In Russ.) doi:10.31857/S020595920004542-2
34. Bratusin A.R. The projective nature of the perception of the image of a terrorist by modern youth. In: *Prioritety i mehanizmy obespechenija jekonomicheskogo rosta, finansovoj stabil'nosti i social'noj sbalansirovannosti v Rossii: sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii = Priorities and Mechanisms for Ensuring Economic Growth, Financial Stability, and Social Balance in Russia: A Collection of Articles from the International Scientific and Practical Conference*; April 29, 2016; Krasnodar. Krasnodar: ANO "Research Institute of History, Economics and Law"; 2016:22–27. (In Russ.)
35. Rusakova M., Salmanova D.A., Tkach S., Koroeva V.A. Approaches to understanding adulthood: a historical overview. *Izvestija Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Psihologo-pedagogicheskie nauki = News of Dagestan State Pedagogical University. Psychological and Pedagogical Sciences*. 2023;17(4):31–39. (In Russ.) doi:10.31161/1995-0659-2023-17-4-31-39
36. Gridina V.V., Petinova T.M. Perception of terrorism among young people: socio-political aspects. *Izvestija Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. Social'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki = News of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Social, Humanitarian, Medical and Biological Sciences*. 2017. 2017;19(6):18–25. (In Russ.) Accessed May 28, 2025. <https://cyberleninka.ru/article/n/vospriyatie-terrorizma-v-molodezhnoy-srede-sotsialno-politicheskie-aspekty/pdf>

37. Yakovleva S.V. Young people's attitudes towards terrorist acts. In: Glagolev S.N., ed. *Formirovanie antijekstremistskoj i antiterroristicheskoy sredy v vuze na sovremennom jetape: sbornik dokladov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii = Creating an Anti-Extremist and Anti-Terrorist Environment in Higher Education Institutions at the Present Stage: Collection of Reports from the International Scientific and Practical Conference*; March 25, 2021; Belgorod, Russia. Belgorod: Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov; 2021:415–419. (In Russ.)
38. Sangaeva N.A. Psychological foundations of terrorism among young people: factors, motives, and ways to counteract it. In: *"Dialog kul'tur narodov – zalog mira i soglasija", X respublikanskaja nauchno-prakticheskaja konferencija = "Dialogue between Cultures of Peoples – The Key to Peace and Harmony". 10th Republican Scientific and Practical Conference*; November 12, 2024; Gorodovikovsk, Russia. Gorodovikovsk; 2024;2:177–179. (In Russ.) Accessed May 03, 2025. <https://mpk-rk.ru/Документы/Диалог%20культуры%20Сборник%20Том%201.pdf>

Информация об авторах:

Жомартов Айдос Корабаевич – докторант кафедры педагогики и образовательного менеджмента Казахского национального университета имени аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан; ORCID 0009-0005-0664-3757. E-mail: aidos.korabai78@gmail.com

Бulatbaeva Айгуль Абдимажитовна – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и образовательного менеджмента Казахского национального университета имени аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан; ORCID 0000-0002-4991-8539, Scopus Author ID 57103776100. E-mail: a.bulatbaeva@yandex.ru

Елена Ивановна Казакова – доктор педагогических наук, директор Института педагогики Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Российская Федерация; ORCID 0000-0001-8451-7151, Scopus Author ID 57205528456. E-mail: e.kazakova@spbu.ru

Вклад соавторов. Авторы внесли равный вклад в сбор эмпирических данных, их обработку и написание статьи.

Информация о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 20.05.2025; поступила после рецензирования 05.12.2025; принята в печать 19.12.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Aidos K. Zhomartov – Doctoral Student, Department of Pedagogy and Educational Management, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan; ORCID 0009-0005-0664-3757. E-mail: aidos.korabai78@gmail.com

Aigul A. Bulatbayeva – Dr. Sci. (Education), Professor, Department of Pedagogy and Educational Management, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan; ORCID 0000-0002-4991-8539, Scopus Author ID 57103776100. E-mail: a.bulatbaeva@yandex.ru

Elena I. Kazakova – Dr. Sci. (Education), Director of the Institute of Pedagogy, St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation; ORCID 0000-0001-8451-7151, Scopus Author ID 57205528456. E-mail: e.kazakova@spbu.ru

Contribution of the authors. The authors contributed equally to collecting empirical data, processing data, and writing the article.

Conflict of interest statement. The authors declare that there is no conflict of interest.

Received 20.05.2025; revised 05.12.2025; accepted for publication 19.12.2025.

The authors have read and approved the final manuscript.